

С. В. Власова*Литовский эдукологический университет
(Вильнюс, Литва)*

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, НАЗЫВАЮЩИХ МАТЕРИАЛ, В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Как известно, категория определенности / неопределенности (далее – О / НО) оказала большое влияние на становление в славянских языках прилагательного как части речи.

Местоименные прилагательные – общая особенность, унаследованная балтами и славянами из индоевропейского языка. Употребление древней индоевропейской местоименной основы получило в балтийских и славянских языках черты явного формального сходства: местоимение стало употребляться только с адъективами, постпозитивно (Зинкевичюс 1958: 54–56). Тот факт, что и у балтов, и у славян определенный член присоединился не к самому существительному, а к прилагательному, оказался роковым: между значением определенности и собственной семантикой разных групп прилагательных возникли сложные взаимодействия. Тесная связь между употреблением полной или краткой формы и принадлежностью прилагательных к разным лексическим группам для славянских языков была отмечена впервые Л. П. Якубинским (1953: 209–216) и детализирована Н. И. Толстым (1957: 62–95).

Судьба местоименных прилагательных в балтийских и славянских языках сложилась по-разному. Балтийские языки до сих пор сохранили местоименные прилагательные как определенную грамматическую категорию наряду с простыми прилагательными. В славянских языках формы сильно фонетически упростились, и со временем перестали осознаваться как двухкомпонентные образования.

Возникает вопрос, какие же причины, кроме вышеупомянутых фонетических предпосылок, привели к тому, что со вре-

менем в русском языке именно полные¹ формы стали выразителями категории прилагательных вообще, а в литовском языке, наоборот, преобладающими являются простые формы, хотя в языке по-прежнему местоименные формы прилагательных сохраняют значение определенности. Ответить на этот вопрос может помочь сопоставление данных литовского языка и ранних славянских текстов.

Ранние памятники древнерусского книжного языка, например тексты Успенского сборника XII–XIII вв. (далее – Усп. сб.²), хороши для исследования тем, что в них еще можно наблюдать остатки былой зависимости распределения форм прилагательных от выражения ими категории О / НО существительного, к которому они относятся (Власова 2006b). Анализ прилагательных в контексте позволяет установить некоторые закономерности в употреблении форм, что может помочь приблизиться к разгадке их первичного значения, а также причин такого направления в развитии.

Оппозиция форм прилагательных – черта в первую очередь именно книжно-литературных текстов, обусловленная во многом книжными традициями того времени. Считается, что в живом древнерусском языке формы согласуемых слов значениями О / НО не обладали, а в письменных памятниках были всего лишь результатом искусственно усвоенных древнерусскими книжниками норм церковнославянского языка (Кузнецов 2000). Немаловажно, что даже в этом проявляется близость между литовским языком и церковнославянским (древнерусским): для обоих языков оппозиция определенных / неопределенных форм в первую очередь является книжной чертой. Местоименные формы прилагательного функционируют прежде всего в литовском литературном языке. Во многих литовских диалектах местоименные формы по тем или иным причинам почти исчезли, хотя имеются их реликты, кроме того, местоименные формы широко представлены в фольклоре (Зинкевичюс 1958: 97–100).

¹ В работе мы используем пару терминов “полные” и “краткие” прилагательные, хотя они и не отражают особенностей исторического строения форм, но устраивают нас, так как будет анализироваться не формальное строение парадигмы, а семантика форм. Литовские прилагательные будем называть “местоименными” и “простыми” в соответствии с принятой в литовском языке терминологией.

² При анализе использовано издание: Успенский сборник XII–XIII вв., Котков С. И. (ред.), Москва, 1971. При цитировании примеров указывается лист, столбец и строка, в которой находится прилагательное.

В литовском разговорном языке мало используются местоименные прилагательные (за исключением обозначающих вид, сорт предмета), зачастую правильному использованию местоименных форм научаются в школе, через тексты-образцы художественной речи или правила грамматики. В древнерусский период оппозиция форм прилагательного в атрибуте как выражение О / НО тоже характерна в первую очередь для церковнославянских литературных текстов, а в деловых и бытовых памятниках ситуация может быть иной (Кузнецов 1983).

Доказательства непреходящей значимости данных литовского языка для исследований в области славистики содержатся в статьях Э. А. Балалыкиной (Балалыкина 2005, 2009). Во второй из них затрагивается и важная для истории языка проблема отношений между краткими и полными прилагательными русского и литовского языков. Исследовательница отмечает, что местоименные прилагательные литовского языка обладают выделительным значением, но слишком акцентирует внимание на том, что «Выделительное значение прилагательных литовского языка часто проявляется как более высокая степень качества, то есть имена существительные, определяемые местоименными прилагательными, обладают тем или иным качеством в большей степени, чем имена существительные, определяемые простыми прилагательными». Ниже отмечается, что «Когда-то местоименные прилагательные в древнерусском языке тоже обладали выделительным значением, которое заключалось в местоимении» (Балалыкина 2009: 54–55). Создается впечатление, что в литовском языке все дело в степени качества (более высокой или низкой), а в древнерусском – в местоимении.

Современные исследователи категории О / НО и оппозиции простых и местоименных форм прилагательных литовского языка, строящие свои выводы на новейших достижениях генеративной грамматики и когнитивной лингвистики, пришли к убеждению, что формы прилагательных в литовском языке являются выразителями О / НО существительного, к которому они относятся. Речь, таким образом, должна идти не об определенности прилагательного, а об определенности всей именной группы. Таким образом, формы прилагательного помогают решать проблемы коммуникации, так как первичной функцией категории определенности является координация референции (Holvoet, Tamulionienė. 2006; Mikulskas 2006; Spraunienė 2009). Несомненно, лексическое значение прилагательного играет свою роль в фор-

мировании значения определенности, но каков механизм этого процесса – пока открытый вопрос.

Уже Н. И. Толстой, анализируя старославянские тексты, заметил что все прилагательные можно разделить на две группы, не совпадающие с их делением на разряды. К первой группе он относит прилагательные, выражающие свойство предмета, которое «не содержится в самом предмете, а привносится извне», а ко второй группе те, «которые выражают внутреннее свойство (качество) предмета, присущее ему по самой природе» (Толстой 1957: 72). Интересно, что принадлежность к той или иной группе влияет на употребление прилагательного в полной или краткой форме: в первой группе преобладает полная форма, а для второй, в которую попадают наряду с качественными прилагательными и относительные прилагательные, обозначающие материал, характерна оппозиция О / НО форм. Н. И. Толстой замечает, что «из всех относительных прилагательных, прилагательные, обозначающие материал, по своему лексическому значению ближе всего примыкают к качественным. Этим, видимо, мотивировано преобладание краткой формы» (там же: 73–74). В чем именно заключается эта близость лексического значения, Н. И. Толстой не конкретизирует.

В Усп. сб. оппозицию именных / членных форм, связанную с категорией О / НО, сохраняют преимущественно качественные прилагательные. Интересно, что и группа относительных прилагательных, обозначающих материал или вещество, из которого сделан предмет, тоже в этом смысле очень близка качественным и имеет в Усп. сб. корреляцию полных и кратких форм, соответствующую основным закономерностям категории О / НО, хотя у большей части остальных относительных прилагательных полная форма в это время преобладает (о причинах этого см.: Власова 2006b: 73–98.). Вполне естественно, что далеко не все тексты Усп. сб. в силу их жанровой принадлежности (житийная или церковно-учительная литература) изобилуют прилагательными этой группы из-за преимущественно «бытовой» семантики данных прилагательных.

В Усп. сб. это прилагательные **трѣмѣданъ**, **костанъ**, **мраморанъ**, **ръжанъ**, **златъ**, **древанъ** (употреблены в сборнике только в краткой форме), а также **власанныи**, **желѣзнии**, **безжелѣзнии**, **деревянии**, **мѣданыи**, **глиньнии**, **каманыи**, **каменьнии**, **льнаныи**, **кожьнии**, **олованыи**, **серебрьнии** (употреблены как в краткой, так и в полной форме).

Исключительность этих прилагательных отмечает и А. М. Кузнецов: «В разряде относительных прилагательных именные формы долее всего сохранялись у прилагательных со значением материала и вещества» (Кузнецов 2006: 176). Ценность этой группы прилагательных для изучения, по нашему мнению, высока потому, что многим книжным относительным прилагательным в живой речи могла соответствовать конструкция с существительным. То есть в литературном языке того времени некоторые прилагательные вполне могли быть плодом творчества славянских книжников, так как «славянские переводчики и книжники воспользовались относительными и притяжательными прилагательными для выражения новых понятий и отношений» (Кузнецов 2006: 21). Скорее всего, к исследуемой группе прилагательных, обозначающих материал или вещество, из которого сделан предмет, это положение не относится, так как они, по-видимому, были характерны и для живой древнерусской речи. Эти прилагательные функционируют в современном русском языке и современном литовском (хотя и с другим суффиксом).

При образовании этих прилагательных суффикс **-ан-**, имеющий специализированное значение 'состоящий из того материала, какой называется существительным', конкурирует с универсальным суффиксом **-ын-**. Поскольку суффикс **-ын-** имеет более общее относительное значение, в текстах Усп. сб. полная форма с ним более частотна. Начнем с примеров с краткой формой прилагательного: **ничьсо же не сътажа на земли · тъкъмо ризоу єдиноу и стихарь власанъ** 293г29; **моши въложиша въ ракоу каманоу** 20г8; **бывъше на мѣстѣ єтерѣ оузрьѣ ракоу мрамораноу лежацию · многа лѣта** 83г22. Здесь во всех случаях предмет представлен как неиндивидуализированный представитель класса предметов, обладающий неким признаком. Слушатель (читатель) не в состоянии идентифицировать данные предметы, они известны говорящему, но не слушающему. Краткая форма выражает неопределенность предмета, данными предложениями предмет только вводится в поле зрения реципиента.

Невозможно идентифицировать предмет, который еще не существует (нереферентное употребление существительного), поэтому в таких случаях тоже видим краткую форму: **и образъ ти сътворю златъ по вса грады поставити** 98в18; **стославъ снъ карославль оумысли създати цркъвь каманоу стѣима ... и съвршию всю · и тако бысть съвршена · и абие на тоу ношь върюти сакни врхъ и съкроуши са вса** 22г14; ниже в тексте, при повтор-

ном упоминании, вышеописанная разрушившаяся сама собой церковь уже преподносится как однозначно идентифицируемая, об этом сигнализирует полная форма прилагательного (анафорическая определенность): **шльгъ снѣ сѣославль оумысли въздвигнути цркви сѣкроушивъшую сѣ вышегородѣ каманую** 24г23. Аналогичный случай анафорической определенности: и **спѣхумъ на гробѣ идоша · и желѣзны печати възложиша на гробѣ** 241в11; и **англѣ отъвали камень отъ двѣрии гробоу · и сѣде на немъ роугаа сѣ желѣзнымъ печатемъ** 242г21 (анафор и антецедент – идентичные существительные, во втором предложении речь идет о тех же печатях, которыми был запечатан гроб Христа).

Крайне редко относительные прилагательные могут оказаться в предикативной функции, для которой в текстах Усп. сб. тоже характерна краткая форма: **първѣти бо цркви древанѣ соущи и малѣ на приятие братии** 60в29-30.

Полная форма может использоваться как средство индивидуализации, выделения сорта, вида предмета – оливковое, льняное масло: и **маслѣмъ древянымъ помажуть ѿ роукоу** 22б2; **маслоу же не соущю дрѣваномоу въ кандила на влиание въ тѣ днѣ · помысли строитель црквины въ сѣмени льнанѣмъ и зби(т)и масла** 53а25-26,30.

Примеры из текстов Усп. сб. подтверждают выводы А. М. Кузнецова о том, что в раннем древнерусском языке «семантическая дифференциация разрядов прилагательных слабо выражена при помощи суффиксов и других аффиксов, здесь намечались только тенденции. Одним из новых средств, используемых для дифференциации разрядов, оказались и членные формы прилагательных» (Кузнецов 2006: 30). В случаях, когда прилагательное, образованное от существительного, обозначающего материал, выступает в других значениях (не материала, из которого сделан, состоит предмет, а, например, в значении качественном или заполняет лексическую валентность существительного), используется только полная форма, ср.: **црь · повелѣ ю за власы повѣсити и възложити на ню · в камыка насобѣ · и шп таготы каменныа оутроба юа оурываше сѣ** 98б22; прилагательное в этом примере заполняет лексическую валентность существительного – от тяжести камней. Существует мнение, что подобные конструкции N→A являются исконно праславянскими, а конструкции N→N появились под влиянием греческого языка [Урысон 1980,128]. Аналогично в примере: (Адам и Ева сначала) **не имѣста одѣжда пльтныа · нѣ бѣаше има одѣжда нетьлѣннаа ...** (со времени гре-

хопадения) отъсюдоу въ кожныя ризы одѣ са 177в3,г14-15. Здесь кожныя ризы – не сделанные из кожи, а кожей и являющиеся. Такого же типа полная форма в примере понѣ да поздѣ нѣколи шплжшьє златьнадого желаниа 215г32-216а1 (желание золота). Полная форма в качественном значении: нє бои са оубо петре ... на каменьнѣи бо ти вѣрѣ съзиждю цркъв 248а6-7 (твердой, непоколебимой).

Тем не менее следует отметить, что здесь для дифференциации разрядов прилагательных используется и формальное средство: суффикс **-ан-** последовательно заменяется универсальным суффиксом **-ин-**.

Таким образом, в Усп. сб. относительные прилагательные, обозначающие материал, имеют и полные, и краткие формы. В современном литовском языке местоименными формами обладают только качественные прилагательные. Относительные прилагательные, в том числе и с суффиксом **-inis**, которые называют материал и вещества, местоименных форм не имеют. Напр.: *Aguoninis aliejus gardesnis už sėmeninį* “Масло из мака вкуснее льняного”; *Avižinis kisieliūs* “Овсяный кисель”; *Cinkinis viedras* “Цинковое ведро”; *Statisime akmeninius diendaržius* “Будем строить каменные загоны”. Причина этого в том, что в функциональном отношении эти прилагательные очень похожи на местоименные. Они тесно связаны по смыслу с определяемым словом и обозначают свойство, выделяющее предмет или образующее значение вида предмета (Valeckienė 1957: 259–260). То есть литовский язык избегает избыточной маркировки: если значение выделительное уже передано суффиксом, нет необходимости в местоименной форме (аналогичная ситуация была в древнерусском языке с притяжательными прилагательными).

То есть мы видим в группе прилагательных, обозначающих материал, несоответствие между современным литовским языком и древнерусским, которое, однако, имеет историческое объяснение. Дело в том, что суффикс **-inis** является производным от более древнего суффикса **-inas**, который не имел выделительного значения. По данным А. Валецкене, сейчас прилагательные с суффиксом **-inas** в литовском языке малоупотребительны и встречаются только в старинных песнях и сказках, напр.: *Atlėkė juodas varnas, atnešė baltą ranką ir a uksiną žiedelį* “Прилетел черный ворон, принес руку белую и колечко золотое”; *Būsi nebūsi mano, mergele, tik pardėvėsi auksinąjį žiedelį* “Будешь ли моей, или нет, девушка, только поносишь золотое колечко”. Ср. *A uksinį žiedelį*

perpus perlaužiau „Золотое колечко я напололам переломил“. Для нашего вопроса особое значение имеет тот факт, что в древних литовских письменных памятниках XVI в. (М. Даукши, Й. Бреткунаса) прилагательные с суффиксом **-inas**, обозначающие материал (*auksinas* “золотой”, *sidabrinas* “серебряный”, *varinas* “медный”, *drobinas* “холщовый”), по наблюдениям литовской исследовательницы, были широко употребительны и имели и краткие, и местоименные формы (Valeckienė 1957: 270).

По данным С. Амбразаса, в современном литовском языке отыменные прилагательные с суффиксом **-inas** являются непродуктивным типом. В памятниках XVI–XVII вв. из интересующей нас группы широко используются *áuksinas* “золотой”, *sidābrinas* “серебряный”, в диалектах встречены *geležinas*, *gėlžinas* «железный», *ąžiolinas* «дубовый», *molinas* «глиняный», *drobinas* “холщовый”. Существуют и другие прилагательные с этим суффиксом, но, как отмечает С. Амбразас, если в XVI–XVII вв. прилагательные с суффиксом **-inas** обозначали как внешние, так и внутренние или видовые признаки, позже, когда расширилось употребление прилагательных с суффиксом **-inis**, значение словообразовательного типа **-inas** сузилось. В современном литовском языке большинство отыменных прилагательных с суффиксом **-inas** обозначает внешние, наружные признаки, например, в диалектах *alyvinas* имеет значение «испачканный маслом», *āvižinas* «облипший овсом», *drūskinas* «в соли» и другие, см. подробнее (Ambrasas 2011: 66–71).

Исследование функциональных особенностей древнерусских суффиксов **-ьн’**-и **-ьн-**, проведенное исследовательницей Н. П. Зверковской (1978), позволяет объяснить способность прилагательных, образованных при помощи того или иного суффикса, к образованию именных и местоименных форм. Функциональные особенности суффикса **-ьн’** обусловлены самим его составом, расширением суффикса **-ьп’** древнейшим формантом **-*jo**. Н. П. Зверковская определила то общее значение, которое содержится в производных с суффиксом **-ьн’**- как «отнесенность определяемого именно к данному члену из целого ряда подобных, объективно сопоставленных (и противопоставленных) членов», причем, что существенно для нашего вопроса, «определяемый предмет характеризуется и выделяется на основе сопоставления, причем сопоставление выражается производящей основой, а сам суффикс имеет прежде всего конкретизирующую, указательно-выделительную функцию» (Зверковская 1978: 87).

См. также (Балалыкина 2005: 19–20). То есть изначальная определенность заложена уже в самом значении суффикса, поэтому закономерно, что все прилагательные, образованные при помощи суффикса **-ьн'** (кроме притяжательных) имеют в Усп. сб. только полную форму.

Остается пока без ответа вопрос, почему “в своем функционировании указанные морфологически близкие форманты в славянских и балтийских языках как бы поменялись местами, т. е. из данной пары суффиксов основным, продуктивным, полисемантическим в славянских языках в большинстве случаев оказался **-ьн-**, а в литовском — производный суффикс **-inis**, что свидетельствует о глубокой древности этих формантов, которые прошли долгий путь развития в каждой группе языков” (Зверковская 1978, 75).

Таким образом, наличие связи между способностью прилагательного образовывать местоименную форму и его семантикой можно считать общей чертой, характерной и для текстов Усп. сб., и для современного литовского языка. Однако зависимость эта, по нашим наблюдениям, оказывается прямо противоположной. В текстах Усп. сб. мы видим стремление к оформлению определенности полными формами даже тогда, когда она уже была выражена другими средствами (в том числе лексическим значением прилагательного). В современном литовском языке наоборот – в тех случаях, когда определенность выражена морфологическими или лексическими средствами, местоименные формы не используются. В частности, семантика прилагательных и их морфологическое оформление оказывались важными факторами при оформлении значения определенности у относительных прилагательных.

ЛИТЕРАТУРА

- Балалыкина Э. А. Роль сопоставительно-исторического метода в изучении адективного словообразования в родственных языках / Э. А. Балалыкина // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2005. – Том 147, кн. 2. – С. 11–22.
- Балалыкина Э. А. К вопросу о значении литовского языка для исследований в области истории русского языка. / Э. А. Балалыкина // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2009. – Том 151, кн. 6. – С. 50–59.

- Власова С. Роль категории определенности / неопределенности в развитии прилагательного в древнерусском и литовском языках / С. Власова. // *Acta Baltico Slavica*. – Warszawa, Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk. – 2006a. – № 30 – С.181–198.
- Власова С. Формы прилагательного как средство выражения категории определенности / неопределенности в церковнославянском языке (на материале Успенского сборника XII–XIII вв.) / С. Власова. – Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2006b. – 210 p.
- Кузнецов А. М. Краткие и полные формы прилагательных в деловых и бытовых памятниках Северо-Западной Руси XI–XIV вв. / А. М. Кузнецов. // *Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 9. Филология*. № 4, 1983. – С. 46–53.
- Кузнецов А. М. Усвоение церковнославянских именных и членных форм согласуемых слов русскими книжниками XI–XII вв. / А. М. Кузнецов. // *Функции и взаимодействие языковых единиц в тексте: Материалы девятого осеннего семинара, Арбавере, 11–13 октября 1997г.* – Таллинн, 2000, ТПУ. – С. 95–104.
- Кузнецов А. М. Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. Т. III. А. М. Кузнецов, С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. Прилагательные. Москва: Азбуковник, 2006. – 496 с.
- Зинкевичюс З. П. Некоторые вопросы образования местоименных прилагательных в литовском языке / З. П. Зинкевичюс // *Вопросы славянского языкознания*. – Москва, вып. 3, 1958. – С. 50–100.
- Толстой Н. И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке / Н. И. Толстой // *Вопросы славянского языкознания*, вып. 2. – Москва, 1957. – С. 43–122.
- Урысон Е. В. Относительное прилагательное в парадигме древнерусского имени (На материале Успенского сборника XII – XIII вв.) / Е. В. Урысон. // *Древнерусский язык. Лексикология и лексикография*. – Москва, 1980. – С. 110–132.
- Успенский сборник XII-XIII вв. Изд. подг. О. А. Князевская и др. – Москва, 1971. – 751 с.
- Якубинский Л. П. История древнерусского языка. / Л. П. Якубинский. – Москва, 1953.
- Ambrasas S. Būdvardžių darybos raida / S. Ambrasas. / Sudarė D. Mikulėnienė. – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2011. – 272 p.
- Holvoet A., Tamulionienė A. Apibrėžtumo kategorija / A. Holvoet, A. Tamulionienė // *Daiktavardinio junginio tyrimai* / Red. A. Holvoet, R. Mikulskas. – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2006. – P.11–32.
- Mikulskas R. Apibrėžiamųjų būdvardžių aprašo perspektyva / R. Mikulskas // *Daiktavardinio junginio tyrimai* / Red. A. Holvoet, R. Mikulskas. – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2006. – P. 33–65.
- Spraunienė B. Paprastųjų ir įvardžiutinių būdvardžių opozicija lietuvių kalboje kaip apibrėžtumo sistema / B. Spraukienė. // *Acta Linguistica Lithuanica*. – 2008, t. 59. – P. 109–139.

Valeckienė A. Dabartinės lietuvių kalbos įvardžiutinių būdvardžių vartojimas / A. Valeckienė // Literatūra ir kalba. – 1957, t. 2. – P. 159–355.

Category of Definiteness / Indefiniteness and the Form of the Adjectives Naming a Material in the Church Slavonic and Lithuanian Languages (Historical Aspect)

Summary

In this article the adjectives with the meaning of a material and substance of which a thing is made are considered from the comparative and historical aspects. The research is based on the material of the Church Slavonic language of the 12th–13th centuries and the Lithuanian language. The capacity of the given adjectives to the formation of nominal and pronominal forms is analyzed as well as their connection with the category of definiteness / indefiniteness. The connection of these forms with the lexical meaning of the adjective is also discussed in the article. The development of these adjectives in the languages is specific: they retained their short forms longer than other relative adjectives in the Old Russian language and had opposition of forms in the Lithuanian language a long time before that, though they lost this capacity later, having acquired some other word-formation suffix.

Keywords: *category of definiteness / indefiniteness, relative adjectives, the Church Slavonic language, Uspensky codex of the 12th–13th centuries, the Lithuanian language.*